

НАСТУПЛЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

„В ДЕНЬ СВАДЬБЫ“ В. Розова —
на сцене театра имени Ф. Г. Волкова

В последние годы появилось немало интересных пьес, рассказывающих о нашей жизни. После расистских завалов, оставленных культами личности, литература и театр были стали к человеку, к миру его бытовых забот. И это хорошо. Ведь человек формируется не только в труде, но и в быту.

В репертуаре театра имени Ф. Г. Волкова тоже была тоже отведена почетное место. Недавно состоялась премьера пьесы В. Розова «В день свадьбы». Зал был полон, и постановку приняли хорошо. Возможно, и обеспечен успех. И все же новая работа театра не может принести удовлетворения.

Фабула пьесы «В день свадьбы» простая. В семье старого рабочего Илья Григорьевича Салова большая радость — дочь Нюра выходит замуж за хорошего парня Михаила Заболотного. На первый взгляд, что тут интересного? Какие волнующие проблемы современности можно вывести на сцене зритель при помощи такого заурядного сюжета? Оказывается, можно.

Начав рассказ с финала, Свадьба вдруг расстраивается. Нюра в самый разгар торжества, увидевшись, что Михаил любит другую, а на ней женится из жалости и страха перед людскими переудами, отказывается от него и дает ему, выражаясь языком наших прабабушек, свободу. Происходит эффектная сцена под занавес. Словом, добро побеждает зло. А так ли это? Внешне — да. Наша мораль, принципы торжествуют над обманливыми, связанным гнездо на окраине большого волжского города. Ну, а если копнуть глубже? Окажется, что театр, выступая, не попал в самое «яблочко» большой актуальной темы.

Почему? Потому, что не разглядев как следует основных противоборствующих сил в пьесе, неправильно расставил акценты. В результате

главные виновники прошедшего оказались вне ула. Кто же они? Илья Салов и его полюбные.

— Как так! — возмущенно воскликнет иной. — Ведь Салов не выглядит, не деспот, а честный рабочий, заботливый отец, добрый человек!

Верно, Салов не деспот. Но вот честный и добрый ли? Давайте внимательно разберемся в обстановке, которая царит в доме Илья Салова, в мыслях и настроениях героев пьесы.

На первый взгляд, как будто все в порядке. Все ласно, советское. Почти все милые, отзывчивые, добрые люди, в каждый искренне желает счастья Нюре и Михаилу. Исключение — только старший сын Салова Николай и Майя Мухнина. Драматург не пожалел для них красок, выписал их сочно, а артисты С. Тихонов и Е. Бурченко создали колоритные, впечатляющие образы моральных негодяев, приспособленцев.

Короче говоря, эти герои одноплановые, и спора не вызывают. Но другие главные персонажи гораздо сложнее, и при трактовке их образов от актеров и режиссера-постановщика В. Давыдова требовалась вздумчивая аналитическая работа.

Начнем с Илья Салова. Он честный, но спокойно покупает у своего приятеля Меньшера Николаевича украденные цинковые белки. Добрый и заботливый, но не оставляет в долгах, которая буквально силой женит на себе Михаила, ломает чужую любовь и сама свою жизнь несет беду. Меньшера Николаевич называет честных людей «сбоками», а Салов молча соглашается. По твердому убеждению приятеля, искусственным «морям Волгу попортила», лишены ее прежней красоты, тишины и волшебства. Ему берегов

старых жалко. Что ж, возможно, прежние берега Волги были красивее, а что тише, так вне сомнения. На вкус и цвет товарища нет, и Меньшера Николаевича вправе иметь свое мнение на сей счет. Но в том-то и суть, что это не просто мнение, привязанность старого человека к привычному. За этим кроется определенное отношение к нашей действительности.

Такой настрой Меньшера Николаевича не без причины, если задуматься в его высказывания, вслушаться в их подтекст. Большая жизнь, что зорвался на Волгу, ему не по плечу. Большая жизнь — большие требования. А Меньшера Николаевич — человек маленький, тихий, смиренный, и тот замкнутый мирок, в котором он живет, вполне его устраивает.

А Салов? Он хотя и поддучивает над дружкой и утверждает, что ему и тут хорошо, на этой вот обновленной Волге, но в глубине и его гложет сожаление по уходящему. Правда, он не ищет туманных контуров в кинувшем, как Меньшера Николаевич, но и не глядит вперед, в завтрашний день. Он всецело приемлет настоящее, даже без «тишины» и «волшебства», только бы оно не очень тревожило его.

Разглагольствуя Меньшера Николаевича, Советская власть обеспечила его всем необходимым, живет он потихоньку, а Большому ему и не надо. Он уже не молод, и ему не хочется на склоне лет лишиться волнений и тревог. Вспомните разговор стариков о смысле жизни (второе действие). Он, этот разговор, глубоко символический и дает толчок к верному раскрытию образов этих людей.

Старик поет в унисон: зачем живешь — непонятно, все так считают,

но молчат — страшно; а появился смысл в жизни — уж совсем бы глупости были.

Салов: Вот, допустим, мне скажут: живешь ты затем, чтобы улечь на другую солнечную систему. Слыхал про другие-то галактики?

Меньшера Николаевич: Так у меня телевизор.

Салов: Ну вот... А я обратно скажи: зачем? Да и не хочу на другую, мне тут хорошо, на Волге... Что другое скажут — я опять: зачем? И ежели бы этот исходный смысл появился, вот тогда-то уж настоящая бессмысленность и была бы... А тут природа тебе тайну дает — вроде бы намекает про что-то... Говорит: «Живи, мол!». Ты ей: «Зачем?». А она тебе так только жирно глазом подмигивает: «Знаю, мол, зачем! Надо!» Тайна — она и обещает что-то, зовет, тянет. Жить-то и охота.

При всей туманности рассуждений Салова понять его философию не трудно: от добра добра не ищут, что загадывать на будущее, куда-то и зачем-то стремиться, и сейчас хорошо. А потому: долой «исходный смысл»!

Это, хотя и пассивная, но философия неприятия будущего, а также и того, что сейчас делается для него. Философия обывателя, для которого самое страшное и есть уразумение смысла жизни, уразумение того, что мы живем не только настоящим, но в будущем, работаем и на него. Естественно, что в настоящем мы терпим какие-то неудобства, сознательно мы лишаем себя определенной доли материальных благ. А обывателю это совсем не к чему, ему сейчас «хорошо жить» хочется. Спокойно.

И Салов из таких, только выражается не прямо, а с вывертами. Он понимает, что его жизненная пози-

ция не встретит одобрения, и потому отстает от отсутствия «исходного смысла» вообще, а в оправдание всю вину валит на природу, которая-де

сильнее человека, так как дает ему какую-то высшую тайну И куда-то манит. Он боится разоблачения истинного смысла собственной жизни, за которым непременно последует вторжение настоящей большой жизни в привычный ему мирок, с которым он сжился, как со старыми удобными шлепанцами. И все же, как Салов не таится, не крутит, дыша большой жизнью вторгается в его бытие и в семейный неподходящий момент — в день свадьбы дочери.

В пьесе Салов и Меньшера Николаевич пассивны и не очень бросаются в глаза. Но в этой пассивности и непростости их и таится главная опасность для окружающих. Они как будто никому ничего не навязывают и тем не менее медленно, но верно подминают под себя слабых, неустойчивых, исподволь вводя их, что в жизни философия — игра ума, и только.

Почтительный в этом смысле образ Рита — жены Николая Салова. Кто озлил ее, превратил в книжного наркомана, отнял радость в жизни, лишил веры в людей? Саловы и такие, как он. Ведь Николай — точный сколок своего отца, только более замаскированный и тонкий в своей истинной сути мешанина. Рита даже к дочери Нелли безразлична, а в девочке уже проглядывают черты ее отца, черты Саловых. Так вот и возникла цепная реакция: Илья Салов — Николай — Рита — Нелли.

И Нюра — порождение мира Саловых. Чем иным тогда объяснить то звериное, что прорвалось в ней, когда почва заколебалась под ее ногами? Все пошло прахом, лишь только под удар поставили ее мечты о семье, собственном тихом, спокойном уголке. Ничего не осталось от Нюры отзывчивой, доброй, золотой,

как все считают ее в поселке. Осталась только обыватель.

Вспомним ее сцену с Василием Заболотным, когда он выкладывает ей всю правду о своем друге и, надеясь найти в ней понимание, просит не становиться на пути Михаила и Клавды Камеевой. Нюра набрасывается на Василия с кулаками и кричит:

— ...На-ка выкуси! Не отдам его, слышишь?! И не помышляй!.. Да я весь поселок позаму!.. И Николай не позволит, и я сама!.. Нюрка добрая, Нюрка сделала!.. Не добрая я! К черту все! Я вам позже Ритки буду!.. Что стоишь, что зыбки-то свои поганые вытупил? Уходи отсюда, к черту уходи!.. К чертовой матери!..

Вот какова сила Саловых. Но на сцене зритель этого не видит. В трактовке А. Аристархова и П. Прошина Салов и Меньшера Николаевич выглядят этикими милыми безобидными простачками. Основные грани их характеров смазаны. И когда смотреть на них из зала, то создается впечатление, будто в разыгравшейся драме они вовсе не виноваты и сами обескуражены, не понимают, что творится, и вроде бы даже сами жертвы какой-то мистификации.

Артисты показали нам конкретных, действительных людей, но не создали образов, типов с определенной социальной направленностью, не выявили их подлинную неприязнательную сущность: духовную заземленность, потребительское отношение к жизни. Ведь только в голову человека, который изнывает от умственного и духовного бедствия, может заскочить такая дикая, шальная мысль, как у Салова: «...Вот тут я как-то сижу в охране с оружием своим, идет мило Харитонов, бухгалтер наш, хороший человек, приятный, а я думаю: «Вот сейчас наведу я на тебя свое оружие... бац! И ты вверх лапками...»

А без такого раскрытия внутренней сущности Саловых и Меньшеров Николаевичей не понять, почему произошла столь резкая перемена в своем парне, вожаке комсомольцев Михаиле Заболотном. Михаил артиста Ф. Можева не определен

четко по отношению к тому миру, в который его тянет стечением обстоятельств. В игре Можева Михаил уж очень тих, покорен. Фактически он без борьбы канитализируется перед Саловыми.

Думается, так не могло быть. Он же сильный характером, комсомолец, годами его учили доброму, светлому, разумному, честности, приверженности во всем. Куда же все это девалось? И так вот вдруг. Впрочем, несколько лет он дружил с Нюрой и, конечно, мир Саловых исподволь влиял на него, опутывал своими сетями.

И все же я не верю в Можева — Михаила, в такой крутой поворот в его сознании и психологии, в покорность. Конечно, право автора — создавать своего героя так, а не иначе. Но право и театра — поглубже заглянуть в мир этого героя, расставить свои акценты. Ведь спектакль — не копия пьесы, а самостоятельное художественное произведение.

Позволяет ли образ Михаила найти иные акценты? Безусловно! Вспомним его признание другу Василию Заболотному, что в нем сидит совсем другой, настоящий, более глубокий и интересный человек, чем тот, каковы его воспринимают.

Приезд Клавды Камеевой и объяснение с ней действуют на Михаила подобно очистительному взрыву. Он пробуждается от душевной спячки. В нем, хотя и не надолго, поднимает голову гордый, сильный человек. Он признается Клавде, что сделал ошибку, что вот сейчас, рядом с ней, почувствовал на себе освежающее дыхание их прежней горячей чистой любви, он стал уважать себя. Разве это не свидетельство его внутреннего бдения с той долей и фальшью, которыми его пытались опутать?

(Окончание на 4-й стр.)

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ 3
стр.

30 июня 1964 года

30 ИЮН 1964

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ
г. Ярославль